

© Д.А. Радченко

РОСКОМНАДЗОР-ТЯН И ДРУГИЕ: ПЕРФОРМАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ФОЛЬКЛОРНОЙ РЕАКЦИИ НА БЛОКИРОВКИ TELEGRAM

Ключевые слова: интернет-фольклор, цифровая антропология, актуальный фольклор, перформативная практика, протест, цифровое сопротивление, Telegram

После принятия Роскомнадзором решения о блокировке мессенджера Telegram активные группы в интернете в ответ на действия властей выдвигают новые формы символического или прямого протеста, которые способствуют укреплению солидарности между пользователями мессенджера, превращая “сочувствующих” в “активных сторонников”. В статье показано, как в различных перформативных практиках (от распространения шуток онлайн до митингов и хакинга) проявляется представление участников протеста о собственной агентности и границах своих “виртуальной идентичности” и “виртуального тела”.

В апреле 2018 г. Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) в очередной раз потребовала раскрытия ключей шифрования Telegram для предотвращения противоправной деятельности в неподконтрольном поле, однако основатель мессенджера Павел Дуров отказался их предоставить. После этого, согласно постановлению суда, доступ к Telegram был закрыт и начались блокировки не только самого мессенджера, но и миллионов серверов, через которые его команда пыталась обходить запрет (среди них Amazon, ResearchGate, Java, социальные сети Twitter, Facebook и мн. др.). Эта “дуэль” между мессенджером и властью вызвала довольно бурную как онлайн-, так и офлайн-реакцию, в т.ч. три крупных митинга, хакерские атаки на сайты государственных органов и т.д.

Казалось бы, Telegram — не самый популярный мессенджер в России: по данным MOMRI Institute, в 2017 г. им пользовались 15% жителей РФ и 23% жителей Москвы, причем ядро аудитории составляли люди от 18 до 24 лет с преобладанием молодых мужчин (особенно в Москве). Для сравнения, WhatsApp установлен у 90% молодых женщин (до 25 лет), и по всем остальным возрастным группам он гораздо популярнее, чем Telegram. Почему же такое маргинальное по большому счету событие оказалось достаточно значимым, чтобы вывести на улицу тысячи людей и стать триггером для создания сотен популярных сообщений?

Мы наблюдаем здесь явление фольклорной реакции: продуцирование и распространение анонимных (и/или клишированных) текстов и практик в качестве ответа

Дарья Александровна Радченко | <https://orcid.org/0000-0002-9298-7783> | darradchenko@gmail.com | к. культ., старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук | Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) (пр. Вернадского 82, Москва, 119571, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: РФФИ, <https://doi.org/10.13039/501100002261> [проект № 17-01-00357-ОГН-А]

на некий раздражитель (*Архипова и др.* 2018б) — на какое-либо событие (а строго говоря, на его отражение в медиа), вызывающее то или иное недовольство. В отличие от описанного Дэниэлом Дайаном и Элиху Катцем “медиа-события” (*Dayan, Katz* 1992), событие-триггер не обязательно должно иметь глобальное значение — достаточно, чтобы оно попадало в болевую точку той или иной группы.

В случае с блокировками Telegram задеты оказались интересы сразу трех крупных групп: достаточно сплоченного и лояльного сообщества его “фанатов”, которые и производили основные действия, широкой группы пользователей мессенджера (обычно офисных сотрудников, использующих функцию чатов в Telegram для решения рабочих вопросов), а также сторонников свободы интернета вообще. Именно вторая и третья группы обеспечили распространение текстов и “явку” на митингах, но первая создала “контент” реакции.

Кто же составляет это активное ядро? Уже в 2014 г. вокруг мессенджера складывается сообщество знакомых друг с другом по социальной сети “ВКонтакте” профессиональных программистов, компьютерщиков и гиков, достаточно лояльных к Павлу Дурову. Ключевым здесь оказывается понятие “гик” — профессионал или любитель технологий и узких “тем для своих”, стремящийся к максимальному развитию своих способностей и знаний в выбранной сфере. В исследовательской литературе гиков нередко называют субкультурой или даже “суперсубкультурой” (*Казакова и др.* 2018), объединяющей несколько групп с разными интересами — от любителей аниме до хакеров. Однако о гиках (по крайней мере, в России), скорее, следует говорить как о довольно размытом множестве людей, разделяющих некоторые базовые ценности: открытый доступ к информации; недоверие к власти и склонность к сопротивлению ей; децентрализация групп (*Levy* 1994); уважение к глубокому знанию предмета; отсутствие выраженного стремления к социализации; ощущение собственного превосходства и желание манипулировать “массой”; в известной степени, запрос на юмор, в т.ч. самоиронию (*Coleman* 2015), — одним словом, ценности, деклариовавшие хакерами 1990-х и анонами¹ 2000-х годов.

Для того чтобы описать реакцию пользователей Telegram на блокировки мессенджера, необходимо ввести несколько понятий. Ключевым станет понятие “оружие гиков” (*weapons of the geek*), предложенное Габриэлой Коулман (*Coleman* 2013). Этот термин был сконструирован как своеобразный ответ понятию “оружие слабых” (*weapons of the weak*) Джеймса Скотта (*Scott* 1986). В отличие от “слабых” Скотта, которые не готовы к открытым действиям и связанному с ними риску и поэтому протестуют скрыто и символически (напр., высмеивая власть в анекдотах), гики, о которых пишет Коулман, располагают определенными возможностями. Имея доступ к информационным каналам и обладая профессиональными навыками, гики могут осуществлять хотя и скрытое, но очень эффективное сопротивление — вести своего рода партизанскую войну. Среди ключевых форм такого сопротивления Коулман называет DDoS-атаки, пранки, монтажи фото и видео (“фотожабы”) и т.д.

Второе важное понятие, связанное с первым, — “рекурсивные публики” (*recursive publics*) было введено Кристофером Келти (*Kelty* 2008). В условиях Web 2.0 практически любой пользователь онлайн-ресурсов (а особенно гик) имеет возможность творческого выражения своей позиции; каждый может быть и “производителем” сообщения, и “слушателем” — и творцом, и публикой. Эта постоянная рекурсия обеспечивает генерирование вернакулярных текстов и их трансформацию. Концепция рекурсивных публик существенно отличается от идеи “культуры участия” (*Jenkins* 1992) представлением о том, что перформативные практики в интернете далеко не так инклюзивны и демократичны, как мы привыкли о них думать; владение базовыми навыками обработки видео на YouTube позволяет создавать популярные ролики (*Burgess, Green* 2009), но, например, для производства программного кода требуются профессиональные знания.

Конфликт вокруг Telegram выявил целый ряд групп гиков и их сторонников, которые выступают в роли таких рекурсивных публик. Разберем несколько типов действия, которые были предложены ими.

Тян и кун: маски конфликта

Многочисленные медийные сообщения, связанные с блокировками тех или иных сайтов, и то и дело появляющиеся заглушки с характерной надписью на месте заблокированных страниц сделали Роскомнадзор (РКН) важным актором не только сетевых отношений, но и сетевой “мифологии”. В результате едва ли не первой реакцией на конфликт стало создание комиксов-манга о противостоянии персонажей, воплощающих Роскомнадзор и Telegram. “Хуманизация”, т.е. представление в виде человека тех или иных “не-человеческих” объектов — понятий, организаций, городов, — привычный формат для аниме-культуры.

Для анонов и гиков традиционно характерен интерес к визуальности в формате аниме и манга. Еще в 2001 г. Сьюзан Нейпир заметила, что существенная часть любителей аниме — молодые профессионалы IT-индустрии (*Napier* 2001). Этот интерес, как полагает Кэтрин Киттеридж, в значительной степени завязан на эротизме и агрессии. Анализируя манга о девочках — боевых киборгах, она выдвигает гипотезу о том, что мальчики-подростки и молодые мужчины, читая эти тексты, могут либо удовлетворять свои фантазии о полностью подчиненных привлекательных женщинах, либо идентифицироваться с героинями, воплощающими силу и агрессию (компенсируя собственную слабость в мире взрослых) (*Kitteridge* 2014: 513).

Несмотря на то что и “роскомнадзор”, и “телеграм” — слова мужского рода, первоначально они визуализируются именно в виде таких “боевых девочек”. Изображения “Роскомнадзор-тян” (“РКН-тян”), насколько можно судить, впервые появляются в 2016 г. как реакция на ограничения, приведшие к фактическому запрету хентай в Рунете. В июне 2017 г. на фестивале комиксов и косплея “Бигфест” в Санкт-Петербурге появляется даже косплей РКН-тян. Изображавшая этот персонаж девушка, впрочем, не является его “фанаткой” или, наоборот, активной оппоненткой; как она сообщила в интервью: “Я, честно говоря, слабо представляю, в чём миссия Роскомнадзора как госоргана. Вроде, блокируют там сайты с плохой информацией, а интернет-пользователям не очень это нравится” (*Лухачев* 2017). Однако появление образа Роскомнадзор-тян на популярной встрече косплееров показывает, что персонаж к этому времени оказался достаточно востребованным и узнаваемым. В том же 2016 г. появляется и “Telegram-тян” — хуманизация мессенджера Telegram. С этого времени различные варианты визуализации обоих персонажей активно обсуждаются пользователями (см., напр.: *Pikabul*), причем основное пожелание, которое они высказывают авторам рисунков, — повысить сексуальную привлекательность нарисованных девушек.

В апреле 2018 г. начинают активно распространяться рисунки, на которых визуализируется нерациональное поведение РКН-тян и ее противостояние с Телеграм-тян (последняя, разумеется, побеждает). Однако в те же дни возникает еще один визуальный образ: Павел Дуров обозначает сопротивление блокировкам как *digital resistance* (“цифровое сопротивление”) и предлагает его символ — схематичное изображение собаки в капюшоне. В этом символе органично соединились маскот Vkontakte (собака) и стереотипный образ гика-программиста с низко надвинутым на лоб капюшоном толстовки.

По-видимому, именно это изменение символического ряда приводит к появлению мужского варианта воплощения Telegram — “Telegram-кун” в виде человека или “хуманизированной” собаки. В результате возникают новые, еще более сексуализированные версии противостояния, в т.ч. в жанре фанфикшн. Так, в фанфике

“Сама свобода” (автор Zika GI) описано влечение между насмешливым деятелем оппозиции Телеграм-куном и арестовавшей его РКН-тян:

Террорист, общеизвестный в обществе под псевдонимом “Телеграмм” или “Телега” сидел здесь, сейчас, в камере для допросов прямо перед ней и улыбался.

Она нервно слотнула, оправив вышитый рюшками воротник и подошла к нему вплотную, натянув пусть дрожащую, но самоуверенную улыбку (Ficbook1).

Наконец, появляются и тексты о конфликте на фоне гомосексуального влечения между двумя персонажами. В отличие от создателей визуальных образов, авторы текстов такого типа — молодые женщины (см., напр.: Самутина 2013):

А у Роскомнадзора кошки на душе скребутся; но признать, что тощий взлохмаченный паренек с извечной стопкой бумаги подмышкой запал куда-то под ребра, не дают то ли суровые воинские погоны, то ли моральные принципы. Бунт — штука опасная, кровавая, тянущая за собой на дно; а Роскомнадзор видит у Телеграма в глубине этот самый бунт; он в запечатанных намертво буквах и самолетиках над закатными крышами России (Ficbook2).

Девочки, кому настроить VPN: анекдоты о блокировках в Сети

Совершенно иначе выглядит фольклорная реакция этого периода, выраженная в вербальных юмористических онлайн-текстах. В основном они посвящены пяти темам (Рис. 1): “ковровым” блокировкам, поиску обходных путей для пользования мессенджером (напр., через VPN), протесту, ироническому переосмыслению обвинений власти и идее архаической власти. Разберем каждую из них.

Как видно из Рис. 1, более половины текстов посвящено тому, что Роскомнадзор “кроет по площадям”, и в результате *нарушается работа самых разных сайтов* — но Telegram продолжает работать:

Завершается первый день блокировки Telegram. По его итогам Роскомнадзор:

— Заблокировал 786 539 IP Amazon.

— Заблокировал 1 048 574 IP Google.

— Разослал уведомления о блокировке Proxu, обвинив их владельцев в экстремизме.

— Сломал голосовые звонки Viber. Telegram работает (Twitter 6)².

Мы будем преследовать Телеграм везде. В Amazon — Amazon. Значит, вы уж меня извините, в шрифтах поймает, мы и шрифты заблокируем, в конце концов. Всё, вопрос закрыт окончательно (Twitter 7).

Роскомнадзор по ошибке заблокировал выход Спартак в финал Кубка России (Twitter 8).

Помимо вербальных текстов, получают огромное распространение видеомонтажи. В одном из них, созданном на основе фильма Чарли Чаплина “Искатель приключений”, полицейский — комический персонаж — тщетно пытается закрыть дверь и получает пинки от главного героя. В еще двух роликах Роскомнадзор воплощен в фигуре Волка из мультфильма “Ну погоди!”: он то пытается уничтожить воблу Telegram, разбивая при этом все предметы в своей квартире (монтаж на основе девятой серии мультфильма; свыше 507 тыс. просмотров на YouTube), то пытается поймать Telegram упаковочной машиной (на основе шестого выпуска; 20 тыс. просмотров на YouTube). Онлайн выходят и юмористические компьютерные игры — “симуляторы Роскомнадзора”: одна была сделана командой “Медузы” 25 апреля 2018 г., о выходе другой было объявлено Antihype Games 7 мая 2018 г., в ней пользователю предлагалось “помочь бумажному самолетику пробраться сквозь дыры в блокировках”.

К этой же группе относятся шутки и иронические сообщения о том, что официальные структуры все равно пользуются Telegram (напр., Почта России,

Рис. 1. Ключевые темы юмористической реакции (по числу репостов)

Сбербанк, Государственная Дума) и поэтому делятся способами обхода (собственных) блокировок.

Немного Кафки:

- Песков дал комментарии журналистам о блокировке Телеграма через Телеграм.
- Сбербанк, у которого на Телеграме вся внутренняя коммуникация, разослал сотрудникам инструкции по обходу блокировок (Twitter 1).

Вторая группа текстов посвящена конкретному способу обхода блокировки — *работе с мессенджером через VPN* (виртуальную частную сеть). 17 апреля 2018 г. в аккаунте Дурова “Вконтакте” сообщается:

В рамках Цифрового Сопротивления — децентрализованного движения в защиту цифровых свобод и прогресса — я начал выплачивать биткоин-гранты администраторам проху и vpn. В течение этого года буду рад пожертвовать миллионы долларов личных средств на эти цели. Призываю всех присоединиться и участвовать — настройкой прокси/vpn серверов или их финансированием (Вконтакте 1).

В фольклоре этого периода VPN превращается в универсальный способ борьбы с запретами и обхода проблем:

...осталось научиться через VPN летом горячую воду включать и вообще заживем (Twitter 9).

Тема *революционных преобразований* оказалась относительно востребованной (16% репостов), но эта популярность была достигнута всего несколькими яркими текстами. Вот пример одного из них:

Если Вы хотите продолжать пользоваться сервисами Amazon, Google, Microsoft, Spotify, а также беспрепятственно расплачиваться картами Visa и MasterCard, то Вам

необходимо обновить власть в Вашей стране. Последнее обновление было сделано 19 лет назад (Twitter 10).

Четвертая по популярности тема — *высмеивание воображаемой опасности мессенджера* — является самой привычной для сообщества: ее развивали в дискуссиях еще в предыдущий период атаки Роскомнадзора на Telegram в 2017 г., когда стали популярны визуальные шутки, сопоставлявшие самолетик — символ Telegram с самолетом террористов, врезавшимся в башни Всемирного торгового центра 11 сентября 2001 г.

Высмеивая утверждение власти о том, что мессенджер (якобы) используют террористы и наркоторговцы, пользователи доводили эту идею до абсурда и шутили о том, что вообще все мировые проблемы и трагедии являются результатом деятельности этого мессенджера.

Однажды я использовал Телеграм, чтобы об**баться!!! А, нет — это был косяк. Сорян, перепутал (Twitter 2).

Со времени запуска Telegram умерло более 300 миллионов человек. Сколько ещё смертей нужно, чтобы Дуров пошёл на сделку с Роскомнадзором?! (Twitter 3)

И, наоборот, возникали встречные шутки о том, что все базовые вещи нужно запретить, потому что ими пользуются террористы:

2042 год: Роскомнадзор блокирует секс, так как с его помощью рождаются террористы (Twitter 11).

В 2018 г. эти тексты не просто воспроизводятся — тема развивается дальше: “от имени” террористов публикуются сообщения, что без Telegram все их коварные планы летят под откос, возникают квазиконспирологические шутки:

хабиб: джамиль, быстрее додумывай наш террористический план, телеграм заблокируют с минуты на минуту
джамиль (в слезах): хабиб, я пытаюсь!!!
рахман (врываясь): братья, мы опоздали!!!
хабиб: КЛЯТАЯ РУСНЯ-
джамиль: СТОЙ!!!
(взрываются под “fireworks” кэтти перри) (Twitter 4).

Кстати... В слове террористы 10 букв. В слове телеграм 8. $10 - 8 = 2$. Именно столько глаз было у Гитлера. Задумайтесь (Политота 2018).

Интеграция “военного текста” в шутки о Telegram не случайна: в ходе конфликта в социальных сетях публикуется эмблема Роскомнадзора в черно-красно-белом цвете — отсылка к символике нацистской Германии; возникают тексты о блокировках, написанные в стиле сводок с полей битв; появляются карикатуры, изображающие собак-маскотов Telegram в виде солдат Красной армии. Тем самым конфликт связывается с ключевой моральной универсалией (Alexander 2002) современной России — оппозицией “фашисты—наши”. Обозначение любого врага как “фашиста” немедленно выводит всех его противников на позицию “наших” и морально правых.

Наконец, стоит отдельно остановиться на теме, которая не собрала большого числа репостов (т.е. получила слабый отклик массового пользователя, не генерирующего контент самостоятельно), но которой посвящено множество шуток (что говорит о ее востребованности среди “производителей” текстов). Это тема *власти, противостоящей техническому прогрессу*. Здесь прежде всего представлены шутки об устаревшем оборудовании, низкой технической грамотности и квалификации сотрудников властных органов. Очень характерен текст, размещенный в группе Digital

Resistance Order и помеченный там как слух, подтвержденный источниками (приводим фрагменты):

В общем, за блокировку Тележки в РКН лично отвечает Иванов. Генерал от инфантерии, вечный зам и отставной козы барабанщик. Важный такой. Щеки все время надувает. Задачу “деградировать Телеграм” ему ставили на три дня. Но поскольку квалификация — ноль под фуражкой, то, разумеется, делать сам он это не может. <...> В ГРЧЦ перевели самых умненьких в режим круглосуточной работы. Их там два. Умненьких. Я даже фамилии знаю, но не скажу. Остальные — менеджеры. Но снабдили их, конечно, царски:

свободное помещение с электричеством

8 ПК (4 должны иметь CD-привод — зойчем???)

4 Wi-Fi роутера Keenetic 4G KN-1210

4 USB модема. К разным операторам.

KWM

Вот собственно, все вооружение. С которым бойцы взялись победить Тележку (Вконтакте 2).

После требования Роскомнадзора передать ключи шифрования и ответа команды Telegram о невозможности этого (поскольку постоянных “ключей” у мессенджера нет — они регулярно обновляются и уничтожаются) 10 апреля 2018 г. анонимный пользователь создает от лица Дурова иронический текст, в котором пишет, что направляет в Роскомнадзор ключи, и фотографирует лист с обращением с лежащими на нем двумя металлическими ключами (*Захарев* 2018). Эта акция разошлась по социальным сетям именно потому, что подчеркивала представление о некомпетентности Роскомнадзора, требующего то, чего не существует в природе, и потому вынужденного удовлетвориться наиболее близкой к его пониманию формой ключа.

Этой отсталости и некомпетентности посвящено множество вербальных и визуальных шуток (напр., в одной из них приводится высказывание главы Роскомнадзора о том, что ведомство имеет доступ к наиболее современным технологиям, проиллюстрированное фотографией его личного кабинета с несколькими дисковыми телефонами на столе и устаревшим компьютером).

Телеграм — это когда почтальон приходит и расписаться нужно в получении, а это х**ня какая-то — решили в российском суде (Twitter 12).

Кроме собственно отсталости власти, довольно активно репостятся тексты о том, что власть планирует распространить эту отсталость на всю страну:

Когда заблокировали Телеграм, я подумал: но VPN-то они не вырубят. Когда вырубili VPN, я подумал: хер с ним, интернет-то они не вырубят... А сегодня вырубili электричество... (Twitter 5).

При этом технологический регресс в этих шутках сопровождается политическим, а атака на конкретный сервис сигнализирует о грядущей постепенной утрате личных свобод:

ОЙ, ДА ЛАДНО, РУТРЕКЕР НЕ ЗАБЛОКИРУЮТ

ОЙ, ДА ЛАДНО, ВПН НЕ ЗАПРЕТЯТ

ОЙ, ДА ЛАДНО, ТЕЛЕГУ НЕ ЗАБАНЯТ

-----ВЫ НАХОДИТЕСЬ ЗДЕСЬ-----

ОЙ, ДА ЛАДНО, ИНТЕРНЕТ НЕ ИЗОЛИРУЮТ

ОЙ, ДА ЛАДНО, ГРАНИЦУ НЕ ЗАКРОЮТ

ОЙ, ДА ЛАДНО, МОНАРХИЮ НЕ ВЕРНУТ

ОЙ, ДА ЛАДНО, КРЕПОСТНОЕ ПРАВО — ЭТО УЖЕ ИСТОРИЯ (Facebook 2018).

В шутках о блокировках Telegram, таким образом, прослеживается реакция не одной, а двух заинтересованных групп. Первая — активные гики и сочувствующие им; они чаще производят собственные тексты, а не только репостят чужие. Именно эта группа описывает происходящее как конфликт с участием двух акторов — Роскомнадзора и Telegram (воплощенного в одном или нескольких персонажах — Телеграм-тяне, Павле Дурове, собаке-аноне или множестве таких собак), причем последний активно действует в формате физической или сексуальной агрессии.

В текстах же, которые распространялись наиболее масштабно (по-видимому, в основном их аудитория — массовые пользователи мессенджера и задетых блокировками сервисов), Telegram присутствует только в качестве ускользающего объекта агрессии, но не актора. По сути, имеется в виду, что атака власти обращается против нее самой, но об активном сопротивлении речь не идет.

Прямое цифровое действие

Активный характер ядра пользователей Telegram отразился, впрочем, не только в производстве юмористических текстов. Были предприняты прямые “цифровые действия” — атака на цифровые ресурсы оппонента при помощи цифровых же средств. Это, как было отмечено выше, — основное “оружие гиков”. Оно базируется, по мнению Коулман (*Coleman* 2013), на двух важных чертах цифровой среды: 1) слабой защищенности многих серверов и сайтов, в т.ч. правительственных, что дает возможность находить уязвимости и атаковать; 2) огромном количестве данных, утечка которых может привести к финансовому и/или репутационному ущербу для тех или иных лиц (на этом, напр., основано дело WikiLeaks). Такую утечку часто сложно предотвратить, а уничтожить данные, которые были перехвачены, почти невозможно — они становятся общественным достоянием.

В ходе реакции на блокировки был произведен ряд демонстративных атак на государственные ресурсы — с целью не столько нарушить их работу, сколько продемонстрировать, что сообщество гиков способно лучше, чем государственные службы, контролировать интернет и производить интервенции по своему выбору. Так, 1 мая 2018 г. пользователи обнаружили взлом сайта Росприроднадзора — при его открытии появлялся рисунок, изображающий РКН-тян, стреляющую из огнемета по интернету, и мascota Telegram — “хуманизированную” собаку, запускающую в оппонентку бумажные самолетики, а 10 мая произошел взлом сайта Россотрудничества.

Важным механизмом реакции и протестов пользователей интернета оказывается создание контролирующих инструментов и (что еще важнее) распространение информации о них. Таковы, например, карты блокировок, помещающие действия в виртуальном пространстве в геоинформационную среду (Github1), или отдельные карты сбоев в социальных сетях (см. напр.: DOWNDetector 2018). Карты — не просто способ визуализации происходящего, благодаря им виртуальные события привязываются к объектам, существующим в физическом пространстве, и приобретают пугающую конкретность. Кроме того, как правило, такие карты строятся на автоматической обработке отчетов пользователей (т.е., по сути, на культуре участия). Так, создатели карты DOWNDetector, которая не связана с протестами непосредственно, но используется одной из сторон в качестве аргумента, анализируют пользовательские отчеты о сбоях онлайн-сервисов в Twitter.

Еще одним инструментом контроля становятся сайты, квантифицирующие блокировки и представляющие своего рода “хронику текущих событий” в виде новостей и графиков (Usher2 2018). Так, когда глава Роскомнадзора А. Жаров сообщил, что Telegram потерял до 30% пользователей, в ответ была распространена статистика Telegram (tgstat.ru), из которой видно, что после временного спада из-за блокировок частота обращения к мессенджеру восстанавливается на прежнем уровне. Использование

количественных показателей для верификации высказываний и действий власти — характерный способ сопротивления (вспомним хотя бы апелляцию к “кривой Гаусса” в ходе митингов на Болотной площади в 2011–2012 гг.).

Эти инструменты не вполне аналогичны оппозиционным сайтам, собирающим информацию о задержаниях активистов, или платформам информирования типа Ушахида — в отличие от них, сайты о блокировках не предполагают прямого ответного действия, однако создают у пользователей ощущение контроля над ситуацией: количественные показатели и математические закономерности кажутся объективными и позволяющими выявить скрытые действия власти или скрытый смысл сообщения.

Не всегда, впрочем, такие данные должны быть реальными для того, чтобы стать резонансными. 5 мая 2018 г. владелец сайта <https://usher2.club> обратил внимание, что график числа заблокированных Роскомнадзором IP создает некое сообщение при помощи азбуки Морзе. Уже первые буквы этого сообщения заставили пользователей предположить, что вскоре появится и весь слоган — DIGITAL RESISTANCE (что и произошло). В течение нескольких часов пользователи пристально следили за появляющимися буквами (каждая буква создавалась около часа) и спекулировали на тему того, кто стоит за сообщением: взломщик ли это или сотрудник Роскомнадзора, оказывающий “скрытое сопротивление”. Однако позже выяснилось, что сообщение было своеобразным розыгрышем. Интересно, что за некоторое время до этого события в Twitter успешно распространялась шутка о том, что без Telegram придется общаться при помощи азбуки Морзе.

Описанные случаи показывают, что “прямое цифровое действие” активно использует мемы и тексты “непрямого сопротивления”: шутки, персонажи и т.д. Это вписывается в общий контекст гик-культуры, для которой характерна ирония, используемая как инструмент “культурной дифференциации и как оружие <...> для атаки, унижения и уничтожения ничего не подозревающих внешних людей, причем часто даже не подозревающих, что против них действует целая культура” (Coleman 2015: 32). Речь в приведенной цитате Коулман идет о “лулзах” (*lulz* — искаженное *LOL, laughing out loud*): о шутках или розыгрышах, осуществляемых анонимами, и одновременно о получаемом от них удовольствии.

Однако наиболее заметное направление цифровой протестной активности — разработка и поиск систем обхода блокировок, прежде всего VPN-соединений. Кроме “официальной” системы SOCKS5, предложенной Telegram, собственные варианты возникают у целого ряда акторов, заинтересованных в бесперебойной работе безопасного мессенджера. Настройка VPN-соединения оказывается востребованной услугой, а пользователи шутят: то, что раньше считалось навыком “продвинутого” пользователя, теперь доступно (и реализуется!) всем, включая работников детских садов, ведущих свои Telegram-каналы, или водителей маршруток и представителей иных групп, стереотипно считающихся “малограмотными” в цифровом смысле.

Итак, несмотря на то что разработка подобных механизмов остается в руках профессионалов, пользоваться ими могут все. “Оружие гиков” перестает быть достоянием собственно гиков, оно объединяет самых разных пользователей.

Вторым следствием этого “сползания” к теневой стороне интернета стало то, что мессенджер оказался больше чем когда-либо ассоциирован с оппозиционной деятельностью — нарушителями становятся доселе вполне законопослушные граждане. Возникают многочисленные юмористические тексты о том, что при обнаружении полицией при личном просмотре на телефоне VPN-соединения или вообще работающего приложения Telegram будут применяться те или иные репрессивные меры — от штрафа до ареста. Эти тексты отражают, с одной стороны, нервозность пользователей, перешедших на нелегальное соединение, а с другой — предполагаемую “отсталость” полицейских, которые не могут отследить нарушение без прямого контакта.

Нервозность пользователей оказывается отличной питательной средой для новых “лулзов”. В ночь на 17 апреля 2018 г. в социальной сети “ВКонтакте” (прежде всего в локальных и родительских пабликах) появляется сообщение об опасной “игре вэпээн”, пародирующее тексты о “группах смерти” (см.: *Архипова и др.* 2017).

Уважаемые родители!!!! Сейчас по интернету ходит новый аналог синего кита, дети прикрывают его за словом вэпээн или VPN (Very Painful Number) или IPv6. Устанавливая эту кодировку на свой гаджет, ребёнок становится вовлечен в игру, исход которой — в лучшем случае порезы на руках. Во Владимире и Рязани уже по три таких случая, власти молчат всё это время, но паника нарастает. Это контролировать невозможно! Родители, пожалуйста, разошлите всем знакомым это сообщение! Берегите детей от этой новомодной смертельной игры!! Если ваш ребенок сидит в Телеграме (такой мессенджер), узнайте, есть ли у него VPN!!!! (ВКонтакте 3)

В тот же день возникает текст, призывающий к троллингу пользователей социальной сети “Одноклассники”:

Двач, не подведи.

Юзаем сервис sms-reg/регаемся через мейл.ру

Цель — жители ОК.RU

Тезисы:

Телеграм это проект США для безопасного общения террористов.

В телеграме принуждают к суициду.

ipv6 это специальный код для зомбирования населения России, роскомнадзор благословлен Иисусом Христом.

Остальное придумывайте сами (Двач 2018).

Реакция на него смешанная: аноны полагают, что этот призыв создан “ольгинскими троллями” (сотрудниками специальных центров по работе в интернете в интересах власти) для того, чтобы действительно запретить VPN:

Я так понял, олькам стало лень выполнять свою работу по демонизации Телеграма и они решили привлечь к этому анонов? (Двач 2018)

Найс лахта хочет по видом троллинга дискредитировать vnp чтобы его запретили точно (Там же).

Однако некоторые пользователи все же откликаются. Попав в “Одноклассники”, текст об “игре вэпээн” обрел сочувствующую аудиторию и стал распространяться уже всерьез (*Распопов* 2018), особенно после того, как подросток из Владимира ради шутки распечатал листовку с этим текстом и разместил ее на стене объявлений в собственной школе. Листовка была сфотографирована и стала доказательством того, что официальные органы причастны к распространению этой информации. После публикации в “Новой газете” 26 апреля 2018 г. шумиха пошла на убыль.

Активность офлайн

Однако протестная активность не ограничивается интернетом, хотя и офлайн-акции в данном случае активно используют онлайн-мемы. Особенно продуктивной в этом отношении оказалась шутка про бумажные самолетики, “атакующие” Всемирный торговый центр. Так, 17 апреля 2018 г. на Лубянской площади в Москве в ходе акции в защиту Telegram были задержаны две ее участницы. В ответ на это 22 апреля команда мессенджера в своих каналах распространила призыв присоединиться к протесту, сначала запустив из окна бумажный самолетик, а потом подсчитав самолетики у своего дома и выложив результаты в социальные сети, чтобы все — включая властные органы — могли оценить масштаб “мероприятия”. Несмотря на то что акция

была встречена довольно прохладно, она все же состоялась. Интересно заметить, что ее участники писали на самолетиках сообщения, как на артиллерийских снарядах во время войны (см.: *Радченко* 2015), дополнительно семиотизируя их, и фотографировали эти самолетики перед тем, как запустить. Среди надписей встречаются следующие: “Telegram”, “Digital resistance”, “Роскомнадзор сосать @telegram”, “Свободу Telegram”, а также призывы к выходу на митинг 5 мая. Тем самым акция становится двойным высказыванием, “работающим” и в физическом пространстве, и в виртуальном (*Архипова и др.* 2018a).

27 апреля 2018 г. эта идея впервые приобрела материальную форму: в д. Старополье Ленинградской обл. школьники создали памятник Telegram в виде самолетика с надписью “Digital Resistance” и каждую неделю добавляли новую звезду на его крыло в знак того, что мессенджер выдержал еще одну неделю в борьбе с Роскомнадзором (*Симикян* 2018). 10 мая в центре Петербурга появился памятник противостоянию РКН и Telegram в виде самолетика, который раздавил руку чиновника с молотком, помеченным логотипом РКН (Памятник 2018). В то же время в прессе было опубликовано несколько сообщений о том, что “Отряды Путина” — группы активных сторонников президента — проводят символические похороны мессенджера и его владельца или сжигают изображения Дурова (*Поздеева* 2018). Наконец, в период с 30 апреля по 12 мая 2018 г. в Москве и Петербурге прошел ряд митингов за свободу интернета, участие в которых, по сообщениям СМИ, приняло достаточно много политически пассивных людей, привлеченных к протесту активностью в интернете.

* * *

С легкой руки Павла Дурова протест против блокировок стали называть *digital resistance* (“цифровое сопротивление”). Вместе с тем в ходе протеста граница между онлайн и офлайн мирами разрушается: интернет-сообщество вовлекается в уличную активность, а созданный “ради лулзов” иронический онлайн-текст едва не становится причиной “моральной паники” за пределами виртуального пространства.

После принятия Роскомнадзором решения о блокировке мессенджера Telegram активные интернет-группы выдвигают новые формы символического или прямого протеста, которые способствуют укреплению солидарности между пользователями, превращая “сочувствующих” в “активных сторонников”. Реакция на решение властей при этом выражается как в офлайн-действиях, так и в активности, реализуемой в интернете: размещении текстов в социальных сетях (в т.ч. фотосвидетельств реализации офлайн-практик), создания контролирующих инструментов, механизмов обхода блокировок и прямых демонстративных атак.

Однако в описанном нами кейсе интересно не только “устройство” частного случая протестной активности. Он демонстрирует ряд ключевых ценностей и представлений активных пользователей: децентрализация при способности к самоорганизации; интерес к количественным и картографическим данным (а не описательным материалам); поддержка тезиса об архаичности власти; связи технологического прогресса в области обмена информацией с политическим развитием. Последнее представление характерно в целом для пользователей цифровых приложений. Как отмечают Дэниэл Миллер и Хизер Хорст:

...едва ли не самой удивительной чертой цифровой культуры является не сама по себе скорость технических инноваций, но скорость, с которой общество принимает их как должное и разрабатывает нормативные условия их использования. За несколько месяцев новая возможность становится настолько привычной, что, когда она не срабатывает, мы чувствуем, что утратили разом и базовое человеческое право, и ценную руку-протез того тела, которое теперь присуще нам как человеческим существам (*Miller, Horst* 2012: 28).

Итак, реакция на блокировки — это, по сути, протест против атаки на то, что представляется пользователям базовым человеческим правом на свободу информационного обмена и на само человеческое тело, киборгизированное новыми возможностями, которые дают ему онлайн-приложения. По-видимому, это ощущение атаки на тело создает основу для “гуманизации” противника, восприятия его как единого актора и открывает возможности для ответных действий. Массовый и менее заинтересованный в мессенджере пользователь воспринимает “власть” не как противника, а как аморфную силу, вредоносную прежде всего для самой себя, и именно поэтому оказывается не так активен.

Примечания

¹ “Анон” или “анонимус” — самоназвание пользователей анонимных интернет-форумов.

² В целях защиты анонимности источников здесь и далее при цитировании фольклорных текстов приводятся социальная сеть и дата первой публикации. Все фольклорные тексты приведены с сохранением орфографии и пунктуации.

Источники и материалы

Вконтакте 1 — Вконтакте. Павел Дуров. 17 апреля 2018. https://vk.com/wall-29534144_8664936?w=wall1_2307813

Вконтакте 2 — Вконтакте. Орден цифрового сопротивления. 24 апреля 2018. https://vk.com/thedigitalresistanceorder?w=wall-165261383_254

Вконтакте 3 — Вконтакте. 17 апреля 2018.

Двач 2018 — Двач, не подведи. 17 апреля 2018. <https://m2ch.hk/po/res/27892056.html>

Захарец 2018 — Захарец О. Дуров отдал ключи от Telegram // Metronews. 10 апреля 2018. <https://www.metronews.ru/novosti/russia/reviews/durov-otdal-klyuchi-ot-telegram-1394937>

Лихачев 2017 — Лихачев Н. Живое воплощение Роскомнадзор-тян // Tjournal. 14 июня 2017. <https://tjournal.ru/45341-zhivoe-voploshchenie-roskomnadzor-tyan> https://vk.com/bigfestava?z=photo-3090834_456258235/wall-3090834_50947

Памятник 2018 — Памятник противостоянию Роскомнадзора и Telegram появился в Петербурге // Санкт-Петербург ТВ. 10 мая 2018. <https://topspb.tv/news/2018/05/10/pamyatnik-protivostoyaniyu-roskomnadzora-i-telegram-poyavilsya-v-peterburge>

Поздеева 2018 — Поздеева М. “Отряды Путина” “похоронили” Трампа, Навального, Дурова и Telegram // Daily Storm. 16 мая 2018. https://dailystorm.ru/news/otryady-putina-pohoronili-trampa-navalnogo-durova-i-telegram?utm_source=lentach&utm_medium=ctr&utm_campaign=lentach

Политота 2018 — Политота. 19 апреля 2018. <http://polit.reactor.cc/post/3472130>

Распопов 2018 — Распопов А. “Власти молчат, а паника нарастает!” // Новая газета. 26 апреля 2018. <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/04/26/76319-vlasti-molchat-a-panika-narastaet>

Симикян 2018 — Симикян Е. Памятник Telegram, который школьники установили под Санкт-Петербургом // RusBase, 27 апреля 2018. <https://rb.ru/story/pamyatnik-telegram>

Ficbook1 — Эрих. Самолетки. 24 апреля 2018. <https://ficbook.net/readfic/6786603>

Ficbook2 — Zika GI. Сама свобода. 22 апреля 2018. <https://ficbook.net/readfic/6779811> (удалено автором).

Facebook 2018 — Facebook, 16 апреля 2018.

Downdetector 2018 — Downdetector. ВКонтакте карта сбоя. 16 февраля 2018. <https://downdetector.ru/ne-rabotaet/vkontakte/karta>

Github1 — Github. Peko/cidr. Визуализация заблокированных адресов сети. 24 апреля 2018. <https://github.com/ailove-lab/cidr>

Pikabu1 — Pikabu. FrozenSekai. Телеграм-тян. 19 апреля 2018. https://pikabu.ru/story/telegram-tyan_5854644

Twitter 1—13 апреля 2018 г.; Twitter 2—26 июня 2017 г.; Twitter 3—26 июня 2018 г.; Twitter 4—13 апреля 2018 г.; Twitter 5—16 апреля 2018 г.; Twitter 6—16 апреля 2018 г.; Twitter 7—24 апреля 2018 г.; Twitter 8—18 апреля 2018 г.; Twitter 9—16 апреля 2018 г.; Twitter 10—17 апреля 2018 г.; Twitter 11—29 июня 2017 г.; Twitter 12—14 апреля 2018 г.

Usher2 2018 – Usher2. Мониторинг реестра запрещенных сайтов Роскомнадзора. 2018. <https://usher2.club>

Научная литература

- Архипова А.С. и др. “Группы смерти”: от игры к моральной панике. М.: РАНХиГС, 2017.
- Архипова А.С. и др. “Пересборка митинга”: Интернет в протесте и протест в интернете // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018а. № 1. С. 12–35.
- Архипова А.С. и др. О чем мы на самом деле шутим: количественный анализ анекдотов 2017 года // Фольклор и антропология города. 2018б. № 1 (1). С. 184–206.
- Казакова Г.М., Андреев Е.А., Тузовский И.Д. Гик-культура в контексте культурологического анализа // Вестник Томского государственного университета. Серия “Культурология и искусствоведение”. 2018. № 31. С. 65–73.
- Радченко Д.А. “Справедливый хохол”, “Привет от Беса” и другие: неформальная маркировка вооружения // Антропология власти: фольклорные тексты, социальные практики: Материалы XV Международной школы-конференции по фольклористике, социолингвистике и культурной антропологии. М.: РГГУ, 2015. С. 103–105.
- Самутина Н.В. Великие читательницы: фанфикшн как форма литературного опыта // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 3. С. 137–195.
- Alexander J.C. On the Social Construction of Moral Universals. The “Holocaust” from War Crime to Trauma Drama // European Journal of Social Theory. 2002. No. 5 (1). P. 5–85.
- Burgess J., Green J. YouTube: Online Video and Participatory Culture. Cambridge: Polity Press, 2009.
- Coleman G. Anonymous in Context: The Politics and Power behind the Mask // Internet governance papers. Paper no. 3. September 2013.
- Coleman G. Hacker, Hoaxer, Whistleblower, Spy: The Many Faces of Anonymous. L.: Verso, 2015.
- Dayan D., Katz E. Media Events: The Live Broadcasting of History. Cambridge: Harvard University Press, 1992.
- Jenkins H. Textual Poachers: Television Fans & Participatory Culture. Studies in Culture and Communication. N.Y.: Routledge, 1992.
- Kelly Ch.M. Two Bits: The Cultural Significance of Free Software. Durham: Duke University Press, 2008.
- Kitteridge K. Lethal Girls Drawn for Boys: Girl Assassins in Manga/Anime and Comics/Film // Children’s Literature Association Quarterly. Winter 2014. Vol. 39. No. 4. P. 506–532.
- Levy S. Hackers: Heroes of the Computer Revolution. N.Y.: Penguin, 1994.
- Miller D., Horst H. The Digital and the Human: A Prospectus for Digital Anthropology // Digital Anthropology / Eds. D. Miller, H. Horst. L.: Berg, 2012. P. 3–35.
- Napier S.J. Anime: From Akira to Princess Mononoke. N.Y.: Palgrave, 2001.
- Scott J.C. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven: Yale University Press, 1986.

Research Article

Radchenko, D.A. Roskomnadzor-chan and Other Beings: Performative Practices and Folklore Reaction to the Telegram Lockout [Roskomnadzor-tian i drugie: performativnye praktiki fol’klornoi reaktsii na blokirovki Telegram]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020, no. 3, pp. 24–37. <https://doi.org/10.31857/S086954150010046-0> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Daria Radchenko | <https://orcid.org/0000-0002-9298-7783> | darradchenko@gmail.com | Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82 prospekt Vernadskogo, Moscow, 119571, Russia)

Keywords

internet folklore, digital anthropology, contemporary folklore, performative practice, protest, digital resistance, Telegram

Abstract

Reacting to the official prohibition and attempts to block Telegram (a popular messenger application), user groups invent new forms of symbolic or direct protest offline and online to build and maintain solidarity of the users and recruit additional supporters. In this article, I show how, through these protest performative practices (from transmitting jokes in social media to rallies and hacker activities), the users demonstrate their idea of their own agency and of the limits of their “virtual body”.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:

Russian Foundation for Basic Research, <https://doi.org/10.13039/501100002261> [17-01-00357-OGN-A]

References

- Arkhipova, A.S., et al. 2017. “Gruppy smerti”: ot igry k moral'noi panike [Death Groups: From Game to Moral Panic]. Moscow: RANKhiGS.
- Arkhipova, A.S., et al. 2018. “Peresborka mitinga”: internet v proteste i protest v internete [Reassembly of the Rally: Internet in Protest and Internet Protest]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* 1: 12–35.
- Arkhipova, A.S., et al. 2018. O chem my na samom dele shutim: kolichestvennyi analiz anekdotov 2017 goda [What are We Actually Joking About: A Quantitative Analysis of 2017 Jokes]. *Fol'klor i antropologiya goroda* 1 (1): 184–206.
- Kazakova, G.M., E.A. Andreev, and I.D. Tuzovskii. 2018. Gik-kul'tura v kontekste kul'turologicheskogo analiza [Geek Culture in the Context of Cultural Analysis]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Kul'turologiya i iskusstvovedenie”* 31: 65–73.
- Alexander, J.C. 2002. On the Social Construction of Moral Universals: The “Holocaust” from War Crime to Trauma Drama. *European Journal of Social Theory* 5 (1): 5–85.
- Burgess, J., and J. Green. 2009. *YouTube: Online Video and Participatory Culture*. Cambridge: Polity Press.
- Coleman, G. 2013. Anonymous in Context: The Politics and Power behind the Mask. In Internet governance papers. Paper no. 3. September.
- Coleman, G. 2015. *Hacker, Hoaxer, Whistleblower, Spy: The Many Faces of Anonymous*. London: Verso.
- Dayan, D., and E. Katz. 1992. *Media Events: The Live Broadcasting of History*. Cambridge: Harvard University Press.
- Jenkins, H. 1992. *Textual Poachers: Television Fans & Participatory Culture: Studies in Culture and Communication*. New York: Routledge.
- Kelty, Ch.M. 2008. *Two Bits: The Cultural Significance of Free Software*. Durham: Duke University Press.
- Kitteridge, K. 2014. Lethal Girls Drawn for Boys: Girl Assassins in Manga/Anime and Comics/Film. *Children's Literature Association Quarterly* 39 (4): 506–532.
- Levy, S. 1994. *Hackers: Heroes of the Computer Revolution*. New York: Penguin.
- Miller, D., and H. Horst. 2012. The Digital and the Human: A Prospectus for Digital Anthropology. In *Digital Anthropology*, edited by D. Miller and H. Horst, 3–35. London: Berg.
- Napier, S.J. 2001. *Anime: From Akira to Princess Mononoke*. New York: Palgrave.
- Radchenko, D.A. 2015. “Spravedlivyi khokhol”, “Privet ot Besa” i drugie: neformal'naia markirovka vooruzheniia [A “Fair Ukrainian”, “Hello from the Devil” and Others: The Informal Mark-up of Armaments]. In *Antropologiya vlasti: fol'klornye teksty, sotsial'nye praktiki. Materialy XV Mezhdunarodnoi shkoly-konferentsii po fol'kloristike, sotsiolingvistike i kul'turnoi antropologii* [Anthropology of power: folklore texts, social practices. Papers of 15th International conference on folklore, social linguistics and cultural anthropology], 103–105. Moscow: RGGU.
- Samutina, N.V. 2013. Velikie chitatel'nitsy: fanfikshn kak forma literaturnogo opyta [Great Readers: Fan Fiction as a Form of Literary Experience]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* 12 (3): 137–195.
- Scott, J.C. 1986. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven: Yale University Press.